

Зарубежный опыт. Международное сотрудничество

«БОЛЬШОЙ БРАТ СЛЕДИТ ЗА ТОБОЙ»: ПРИЕМЛЕМОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОНЛАЙН-НАБЛЮДЕНИЯ В 30 ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ (ПО ДАННЫМ EVS-2017)

Статья рекомендована к публикации членом редакционного совета Т.В. Ершовой 15.03.2020.

Широканова Анна Александровна

Кандидат социологических наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Департамент социологии, доцент

Санкт-Петербург, Российская Федерация

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Лаборатория сравнительных социальных исследований, старший научный сотрудник

Москва, Российская Федерация

ashirokanova@hse.ru

Волченко Олеся Викторовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Департамент социологии, старший преподаватель

Санкт-Петербург, Российская Федерация

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Лаборатория сравнительных социальных исследований, младший научный сотрудник

Москва, Российская Федерация

ovolchenko@hse.ru

Аннотация

Работа посвящена проблеме отношения жителей европейских стран к государственному мониторингу общественного пространства онлайн и электронной личной переписки. Техническая возможность реализации электронного социального контроля сталкивается с общественной дискуссией о его приемлемости и рисках превращения электронной коммуникации в виртуальный паноптикум. Рассматриваются социологические объяснения различий в отношении населения к видам государственного электронного социального контроля, включая социально-демографические и межстрановые различия в странах проведения Европейского исследования ценностей (EVS-2017).

Ключевые слова

наблюдение, государство, интернет, Европа, социальный контроль.

Введение

«Большой Брат» из романа-антиутопии Дж. Оруэлла «1984» стал нарицательным понятием, обозначающим наделенное неограниченной властью государство или государственное агентство, имеющее доступ к деталям частной жизни граждан и, самое главное, использующее эту информацию в интересах, не обязательно совпадающих с интересами общества и индивида.

Камеры видеонаблюдения на улицах городов постепенно становятся повседневной реальностью во всем мире. Так, в Шанхае одна камера наблюдения приходится на 9 жителей, в Лондоне – на 15 жителей, в Москве – на 85, а в Санкт-Петербурге – на 181 жителя [1]. Хотя первое место по количеству камер видеонаблюдения на количество жителей занимают крупные города КНР, это – мировое явление, и «умные» камеры наблюдения активно используются для

© Широкаянова О.В., Волченко А.А., 2020. Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial - ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>

распознавания лиц на улицах европейских и американских городов, хотя их эффективность в снижении преступности не является однозначно доказанной.

Ожидаемый результат повсеместного внедрения камер как меры социального контроля – повышение «прозрачности» улиц для органов правопорядка. Однако концепция «прозрачного общества» – повсеместного внедрения камер, где все действия наблюдаемы для других, – имеет как сторонников, так и оппонентов. Сторонники всеобщего наблюдения утверждают, что заведомая прозрачность общественного и личного пространства снижает уровень преступности, усиливает безопасность и не вредит тем, кто не нарушает законов. Оппоненты всеобщего наблюдения указывают на колоссальную денежную стоимость обеспечения «полной прозрачности», в сравнении с более насущными и острыми задачами развития общества, а также – на необходимость строгого общественного контроля над институтами, наделенными полномочиями надзора, и на опасность злоупотреблений в ситуации одностороннего наблюдения за гражданами «сверху вниз».

Оспариваются полученные доказательства эффективности камер наблюдения в предотвращении преступлений. Критики подчеркивают отсутствие устойчивого положительного влияния установки камер наблюдения на уровень преступности, указывая, что преступления не исчезают, а лишь перемещаются на улицы, где камер нет, и, таким образом, уровень преступности не снижается; подчеркивают и недостаточную поддержку других мер социального контроля после установки камер [2]. Появление «умных» камер, распознающих лица и походку, лишь усилило широкое общественное обсуждение приемлемости установки таких камер в общественных местах. Расширение «прозрачности» социальных действий может рассматриваться как «горизонтальное наблюдение вместо вертикального» (Д. Брин) [3], то есть как усиление подотчетности чиновников и органов власти, как элемент демократизации. Этот аспект расширения прозрачности проявляется в журналистских расследованиях и антикоррупционных общественных кампаниях по всему миру, от США до Южной Кореи.

Однако центральное место в общественной дискуссии и социальной теории занимает государственный контроль за поведением граждан и регулирование ответственности за высказывания в электронных медиа и частной онлайн-переписке. Проблема допустимости государственного мониторинга интернет-коммуникации актуальна и для России: регулирование публичной онлайн-коммуникации было усилено в 2018 г. введением ФЗ-282, что вызвало волну дебатов о границах допустимого государственного онлайн-наблюдения.

В общественной дискуссии о расширении электронного социального контроля сталкиваются, с одной стороны, идеи о необходимости внедрения норм социальной ответственности в онлайн-коммуникацию и о защите прав личности, включая право личной переписки, с другой. Неудивительно, что позиции общественного мнения в большинстве стран мира находятся где-то между жестким общественным ограничением (например, в Сан-Франциско, США, был введен запрет на использование технологии распознавания лиц полицией) и созданием национальной системы социального рейтинга в КНР (которая запланирована к введению на всей территории страны и включает такие последствия «низкого рейтинга», как ограничение гражданских прав).

Модели: «паноптикум» и «синоптикум»

В теоретических дебатах о допустимости и границах государственного контроля чаще всего применяется паноптическая модель дисциплинарной власти М. Фуко (1977) [4; 5]. Фуко использует для анализа власти в современном обществе идею тюрьмы-паноптикума с односторонним наблюдением, по проекту философа И. Бентама, где заключенные не знают, когда именно надзиратель наблюдает за ними и оттого вынуждены постоянно исполнять правила тюремного распорядка. Фуко проводит идею дальше, утверждая, что каждый гражданин интериоризирует носителя власти и начинает следить за собой и дисциплинировать себя самостоятельно. Основными чертами паноптикума, по Фуко, являются асимметричность, автоматичность, поскольку заключенный находится в состоянии «сознаваемой постоянной видимости» [4, 294], классификация индивидов, часто усиливающая социальное неравенство и т.д. [6]. Связь между государственной властью и повседневными практиками у Фуко обеспечивает механизм «управленчества», когда управление как бы передается в руки самих индивидов, а индивиды дальше уже практикуют заботу о своем сознании и поведении в рамках предписанных режимов безопасности [7]. В этом смысле «важно лишь то, чтобы заключенный знал, что за ним наблюдают» и «нет нужды в постоянном надзоре» [4, 294], поэтому реальное применение электронного контроля при создании видимости постоянного надзора в современном обществе представляется почти избыточным.

Идея паноптикума использовалась в XX веке и как метафора, и как прообраз для построения тюрем, а с повсеместным распространением интернета она стала применяться в качестве инструмента и модели анализа государственного надзора за электронной коммуникацией [8]. В электронной коммуникации ее дополнила модель «синоптикума» (Т. Матиесен) – обратной системы надзора, где публика через массмедиа наблюдает за правительством и элитой [9]. Утверждается, что существование синоптикума оправдывает для публики существование надзора через массовое освещение онлайн-преступлений [6, 90]. Именно поэтому общественное мнение, создающее усредненное, доминирующее представление о социальных нормах, является важной частью дебатов о государственном регулировании электронной коммуникации и условием успешности государственной политики в данном направлении.

Роль сообщества в регулировании онлайн-коммуникации

Публичная онлайн-коммуникация расширила горизонтальный контроль между рядовыми участниками коммуникации [6, 91]. Однако между государством и индивидом, описанными в теоретических моделях паноптикума и прозрачного общества, располагается уровень социальных групп, формирующих отношение к социальным нормам у конкретных индивидов и осуществляющих социальный контроль на уровне сообщества.

В онлайн-коммуникации наблюдаются процессы, схожие с переходом от сельской общности к непосредственному социальному контролю старейшин, через стадию слабых социальных норм у переселявшихся в города крестьян, к формированию городского общества, опирающегося на индивидов и полицию, - описанные в классической модели Ф. Теннисом [10]. Теннис показал, как по мере роста городов возник кризис управляемости, в результате которого появились новые правила «городского общежития». В городах публичные места наподобие кафе и клубов являются местом социального мониторинга, которым занимаются обычные граждане. Наличие «своего» круга общения создает ответственность среди граждан, а за ней и создание коллективной безопасности усилиями самих членов сообщества: «Чем больше люди определяют территорию как свою, тем более активно они начинают «зондировать», что происходит внутри и вокруг <...>; зная, чего ожидать, люди сами более активно поддерживают эти нормы» [11, 146-147]. Распространение интернета и создание онлайн-сообществ – это новое проявление того же механизма создания социального контроля изнутри самой группы.

По мере развития городских сообществ было описано и то, как в результате борьбы за безопасность доступное общественное пространство может быть разрушено [12]. М. Дэвис показал на примере Лос-Анджелеса, как создание безопасного пространства для обеспеченных горожан углубило социальное неравенство между жителями, противопоставляя интересы бедных и богатых горожан и уничтожая «демократическое смешение», которое противостояло классовой поляризации общества [12, 231]. Как следствие, «безопасность стала товаром, определяющим социальный статус», а социальное восприятие угрозы стало зависеть скорее от общественной дискуссии о безопасности и от моральной паники, чем от реального уровня преступлений [12, 231]. Таким образом, в анализе городского общественного пространства, как прообраза публичного пространства онлайн, были показаны риски установления безопасности «сверху вниз» и в интересах одной социальной группы. Следуя теоретической модели Фуко, на эмпирическом уровне здесь было показано, каким образом общественное мнение о безопасности через организацию и архитектуру пространства может существовать отдельно от реального уровня преступлений.

В онлайн-пространстве, где любые формы коммуникации имеют материальную основу, а мнения могут легко переноситься из личного общения в публичное, стирается граница между частным и публичным [6, 92], что отличает электронную коммуникацию от ситуации любых ранних сообществ. Это делает общественную дискуссию об электронном социальном контроле еще более важной, поскольку возможности ухода от электронного социального контроля существенно сужаются.

Общественное отношение к электронному социальному контролю

Принимая во внимание представленную теоретическую дискуссию, рассмотрим, как на практике относится к электронному социальному контролю население 30 европейских стран. Данные получены в ходе международного опроса «Европейское исследование ценностей» (*European Values Study*), проведенного международным научным консорциумом. Опрос содержал вопросы о моральных, религиозных, общественных и политических ценностях. Данные собраны по

национально репрезентативным выборкам в 2017 г., опубликованы в 2019 г. В России выборка составила 1825 респондентов, а общая выборка по 30 странам – 56368 респондентов.

В 2017 г. в опрос EVS впервые были включены три вопроса о том, должны ли власти страны, в которой живет респондент, иметь право: а) вести видеонаблюдение за людьми в общественных местах; б) отслеживать всю электронную почту и любую другую информацию, которой люди обмениваются в интернете; в) собирать информацию о человеке, живущем в этой стране, без его ведома. Первый вопрос оценивает электронный государственный надзор за городским пространством, второй и третий – за условно частным пространством онлайн и частным пространством в целом, соответственно.

Результаты опроса существенно различаются между странами (Рис. 1-3). Наиболее приемлемой и одновременно наиболее вариативной мерой является государственный электронный контроль общественных мест (65% в среднем «за»); значительно меньше поддерживается отслеживание информации и переписки в интернете (25% «за») или негласная слежка (22% «за»). Максимальное доверие государству по трем вопросам в Европе проявляют жители Финляндии, Нидерландов, Великобритании, с одной стороны, и Армении, с другой.

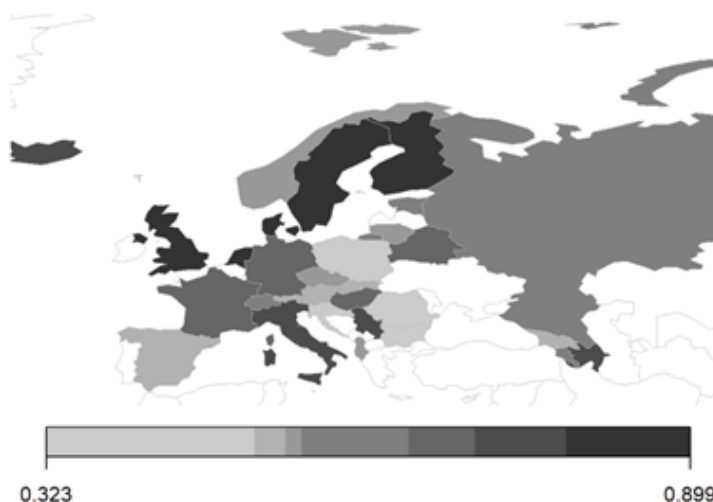

Рис. 1. Доля респондентов, ответивших, что власти должны иметь право вести видеонаблюдение в общественных местах (EVS-2017)

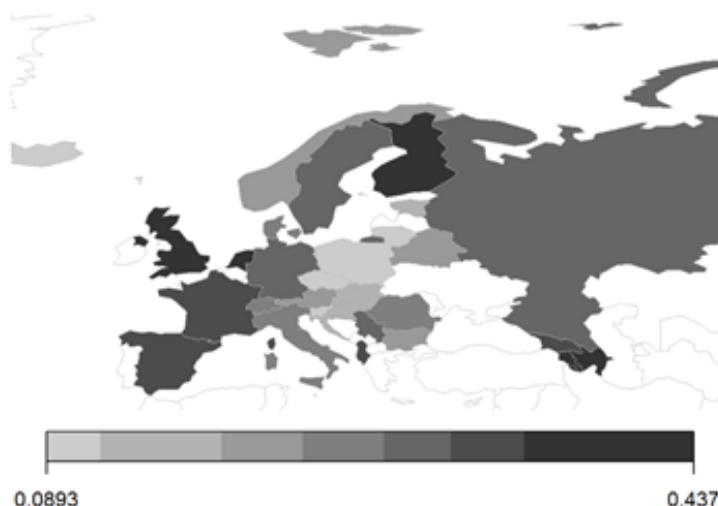

Рис. 2. Доля респондентов, ответивших, что власти должны иметь право отслеживать всю информацию в интернете (EVS-2017)

Рис. 3. Доля респондентов, ответивших, что власти должны иметь право собирать информацию без ведома граждан (EVS-2017)

Корреляции между тремя вопросами на уровне стран – умеренно и сильно положительные. Теснее всего связаны позиции по второму и третьему вопросам (корреляция Спирмена = +0.889, $p < 0,001$). При этом если в среднем по Европе более половины населения считают оправданным видеонаблюдение в общественных местах, то отслеживание властями переписки в интернете или негласный сбор информации оправдывают в два раза меньше людей – примерно каждый четвертый (Рис. 4).

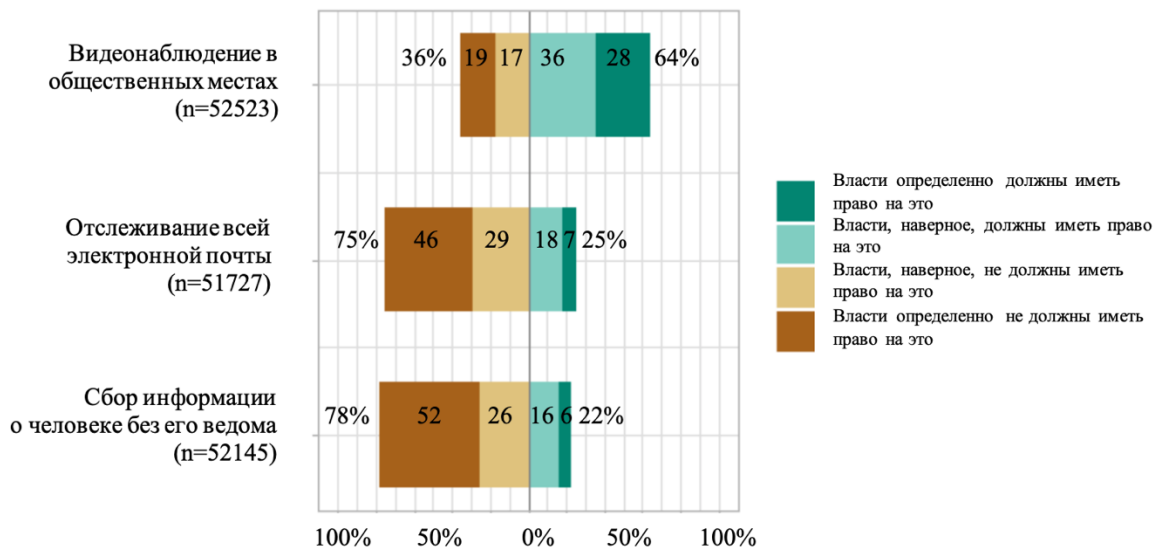

Рис. 4. Отношение населения Европы к мерам электронного социального контроля, в процентах (EVS-2017)

Мнения респондентов из России близки к средним значениям по 30 странам: 61% россиян считают, что власти должны иметь право вести видеонаблюдение (в том числе 26% – что определенно должны), 27% - отслеживать всю информацию онлайн (7% – определенно да), 24% – собирать информацию о человеке без его ведома (6% – определенно да).

Связаны ли высказанные установки с полом, возрастом или местом жительства респондента? В целом по 30 странам мужчины чаще, чем женщины, отвечают, что власти определенно должны иметь право на указанные меры контроля. В России статистической связи между полом и ответом на эти вопросы не обнаружено. Также чаще однозначно поддерживают электронный социальный

контроль более возрастные респонденты, причем это наблюдается во всех трех вопросах. В России возрастные различия выражены только во втором вопросе: о надзоре за электронной почтой, где чаще эту меру однозначно не поддерживают более молодые респонденты (медианный возраст тех, кто определенно «против» и определенно «за», в России составляет 40 и 50 лет, соответственно). Решающую роль в таких результатах может играть частота использования интернета, ведь если респондент им не пользуется, то и не считает отслеживание личной электронной информации чувствительной темой и частью личной жизни.

Наиболее интересные результаты тестов получены при сравнении мнений об электронном государственном контроле и данных о месте жительства респондента. Можно было бы ожидать, что жители больших городов охотнее будут поддерживать видеонаблюдение, но не сбор личных данных. Однако больше других видеонаблюдение в общественных местах в Европе в целом поддерживают жители городов размером 20-100 тысяч жителей, а в России – населенных пунктов до 20 тысяч жителей. Таким образом, в небольших городах (но не в деревне) существует запрос населения на видеонаблюдение общественных пространств.

Заключение

Исследования надзора все больше переходят к рассмотрению парадоксов и сложных взаимозависимостей между органами надзора и теми, за кем наблюдают [5, 233]. Использование личной информации государством у многих европейцев вызывает озабоченность, поскольку в этом видится нарушение прав граждан на частную жизнь [6, 92]. Более того, одной из важных задач надзора, наряду с безопасностью, сегодня признается эффективное управление поведением индивидов, то есть отношение к мерам электронного контроля – это дилемма между потребностью в безопасности и невмешательстве в свободы человека [6, 92-93].

Кто заинтересован в поддержании социальных норм онлайн-поведения? Государство, внедряющее новые законы и институциональный социальный контроль, но также и сообщества, создающие и внедряющие внутренние правила онлайн-коммуникации. Среди трех мер электронного социального контроля, оцененных в опросе EVS-2017, наибольшую, хотя и не подавляющую, поддержку имеет видеонаблюдение общественных мест, где размыта ответственность конкретных сообществ и ослаблен социальный контроль жителей. В то же время электронная почта чаще трактуется, как и офлайн-письма, как область частной жизни, на неприкосновенность которой граждане имеют право, несмотря на технические возможности ее мониторинга.

В онлайн-коммуникации технически истончается граница между публичным и приватным, однако в восприятии населения эта граница есть, и она весьма ощутима. Более того, широкая доступность цифровых устройств создала «новые способы видимости, которые изменяют представление и о местах, и об объектах наблюдения, в том числе сделав более прозрачными сами механизмы контроля» [5, 234]. Этим объясняется, почему электронный социальный контроль и роль «Большого Брата» в повседневности порождают более активное обсуждение, чем традиционные меры надзора, и эта дискуссия не будет снижаться в будущем.

Благодарности

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Литература

1. Wong D. South China Morning Post. 2019-10-23. Big brother is watching you: the world's top 100 most surveilled cities. URL: <https://multimedia.scmp.com/infographics/news/world/article/3034080/most-surveilled-cities/> (дата обращения 01.11.2019).
2. Wilson D., Sutton A. Open-street CCTV in Australia. Vol. 271. Canberra: Australian Institute of Criminology, 2003. URL: <https://aic.gov.au/publications/tandi/tandi271> (дата обращения 20.20.2019).
3. Gowder P. Review of The Transparent Society, by David Brin and Data Smog, by David Shenk. // Harvard Journal of Law & Technology. 1999. № 12. С. 513-532.

4. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2018. 384 с.
5. Haggerty K.D., Wilson D., Smith G.J.D. Theorizing surveillance in crime control // *Theoretical Criminology*. 2011. Т. 15. № 3. С. 231-237.
6. Гуринская А.Л. Надзор как средство обеспечения безопасности: от пространства тюрьмы до киберпространства // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2014. Т. 33. № 2. С. 86-93.
7. Мартынов К. К. Рождение безопасности // *Отечественные записки*. 2013. №. 2. С. 8-18.
8. Caluya G. The post-panoptic society? Reassessing Foucault in surveillance studies // *Social Identities*. 2010. Т. 16. № 5. С. 621-633.
9. Doyle A. Revisiting the synopticon: Reconsidering Mathiesen's 'The Viewer Society' in the age of Web 2.0 // *Theoretical Criminology*. 2011. Т. 15. №. 3. С. 283-299.
10. Тённис Ф. *Общность и общество* // *Социологический журнал*. 1998. №. 3/4. С. 207-229.
11. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. – *Новое Литературное Обозрение*, 2018.
12. Davis M. *City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles (New Edition)*. – Verso Books, 2006.

“BIG BROTHER IS WATCHING YOU”: THE ACCEPTABILITY OF GOVERNMENT ONLINE MONITORING IN THIRTY EUROPEAN COUNTRIES (ACCORDING TO EVS 2017)

Shirokanova Anna Aleksandrovna

Candidate of sociological sciences

*National Research University “Higher School of Economics”, Department of sociology, associate professor
Saint-Petersburg, Russian Federation*

*National Research University “Higher School of Economics”, Laboratory for comparative social research,
senior research fellow*

Moscow, Russian Federation

ashirokanova@hse.ru

Volchenko Olesya Viktorovna

*National Research University “Higher School of Economics”, Department of sociology, senior lecturer
Saint-Petersburg, Russian Federation*

*National Research University “Higher School of Economics”, Laboratory for comparative social research,
junior research fellow*

Moscow, Russian Federation

ovolchenko@hse.ru

Abstract

The paper focuses on the attitude of the citizens of European countries to the government online monitoring of public spaces and of electronic personal correspondence. Although the electronic monitoring of public and private online communication is technically feasible, it encounters the public debates about its acceptability and the risks of transforming online communication into a virtual panopticon. The paper discusses sociological explanations of the observed variations in the attitude to various kinds of online social control, including the sociodemographic factors and cross-country differences in the countries of the European Values Study (EVS 2017).

Keywords

monitoring, government, Internet, Europe, social control

References

1. Wong D. South China Morning Post. 2019-10-23. Big brother is watching you: the world’s top 100 most surveilled cities. URL: <https://multimedia.scmp.com/infographics/news/world/article/3034080/most-surveilled-cities/> (data obrashcheniya 01.11.2019).
2. Wilson D., Sutton A. Open-street CCTV in Australia. Vol. 271. Canberra: Australian Institute of Criminology, 2003. URL: <https://aic.gov.au/publications/tandi/tandi271> (data obrashcheniya 20.20.2019).
3. Gowder P. Review of The Transparent Society, by David Brin and Data Smog, by David Shenk. // Harvard Journal of Law & Technology. 1999. № 12. S. 513-532.
4. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniye tyur'my. M.: Ad Marginem, 2018. 384 s.
5. Haggerty K.D., Wilson D., Smith G.J.D. Theorizing surveillance in crime control // Theoretical Criminology. 2011. T. 15. № 3. S. 231-237.
6. Gurinskaya A.L. Nadzor kak sredstvo obespecheniya bezopasnosti: ot prostranstva tyur'my do kiberprostranstva // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2014. T. 33. № 2. C. 86-93.
7. Martynov K. K. Rozhdeniye bezopasnosti // Otechestvennyye zapiski. 2013. № 2. S. 8-18.
8. Caluya G. The post-panoptic society? Reassessing Foucault in surveillance studies // Social Identities. 2010. T. 16. № 5. S. 621-633.
9. Doyle A. Revisiting the synopticon: Reconsidering Mathiesen’s ‘The Viewer Society’ in the age of Web 2.0 // Theoretical Criminology. 2011. T. 15. № 3. S. 283-299.
10. Tonnis F. Obschnost' i obshchestvo // Sotsiologicheskii zhurnal. 1998. № 3/4. S. 207-229.

11. Oldenburg R. Tre't'ye mesto: kafe, kofeyni, knizhnyye magaziny, bary, salony krasoty i drugiye mesta «tsovok» kak fundament soobshchestva. Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2018.
12. Davis M. City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles (New Edition). Verso Books, 2006.